

Борис Фирсов

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Университет диаспоры: автономия на основе сети

Идея самостоятельной образовательной и научно-исследовательской институции, опирающейся на интеллектуальный потенциал ученых российского происхождения (диаспору), вряд ли может быть оспорена. Русская диаспора представляет практически все отрасли современного научного знания. Это позволяет надеяться, что учреждение, лицензирование, аккредитация этой институции в ранге университета получит всяческую поддержку.

На нынешней стадии обсуждения идеи контрпродуктивно отдавать предпочтение одним сценариям перед другими. Потому считаю предложение о создании Российского научно-технического университета (РНТУ) чрезвычайно важным. Однако создание такой структуры будет делом длительным и сложным. Допускаю, что проекту РНТУ будут оппонировать высшие учебные заведения, возведенные в ранг национальных исследовательских университетов. Хотя я не отрицаю, что РНТУ отвечает стратегии вывода точных наук из серьезного кризиса.

Сегодня мы имеем шанс начать работу «с чистого листа» и уже на старте элиминировать влияние архаических правил, по которым была построена и эксплуатируется вся система образовательных и научных учреждений нашей страны. В послевоенном СССР академические институции было принято сдавать едва ли не под ключ. Однако цена за государственное обеспечение и содержание была высокой. За «бусы» приходилось платить «слоновой костью» — ослаблением коллегиальных механизмов

управления этими структурами. Российский социолог-исследователь А. Бикбов назвал этот процесс «институционализацией наоборот», когда создание органов управления, распорядительства и представительства опережало формирование академической среды, главного действующего лица образовательного или научного учреждения. Замечу здесь, что высокая репутация ЕУСПБ во многом определена тем, что факультеты, а не ректорат определяют форматы обучения, программы, состав преподавателей.

Обращаясь к истории университетов, полезно вспомнить, что университеты Болоньи, ряд немецких университетов возникли задолго до национальных государств. Их питательной средой была космополитическая диаспора латиноязычного академического мира. Россия — одно из немногих исключений, здесь сначала возникла абсолютистская власть, а следом университеты как детище абсолютистского государства. Эта традиция сохранялась вплоть до начала перестройки. Возможно, что именно по этой причине у них никогда не было опыта автономной жизни. Во всяком случае, мера автономии всегда декретировалась сверху «высочайшими повелениями», исходившими от правителей России — императоров и партийных вождей, и была подвержена сильным колебаниям в зависимости от ситуации в стране.

Стереотип таков, что университет и по сей день в массовом, да и в профессиональном сознании воспринимается как часть государства. В соответствии с этим стереотипом все государственное продолжает казаться многим людям более прочным и надежным, чем частное. Отношение к независимым институциям часто, если не всегда, оказывается настороженным, в силу чего положительные качества не замечаются. Виной тому психологическая неготовность создавать негосударственные (частные) структуры или, по крайней мере, сохраняющееся чувство полной зависимости и веры в государство, которое укажет путь движения вперед.

Автономия законов и правил научно-образовательного сообщества, на которую будет опираться сетевой университет, представляется вполне легитимной. Заглядывая в ближайшее будущее, я не вижу препятствий к тому, чтобы университет стал гильдией преподавателей и ученых со своими субкультурными нормами, профессиональным кодексом и кодексом чести, цементирующими сообщество, которое поставило перед собой цель завоевать достойную репутацию в глазах «города и мира» (*urbi et orbi*).

Сетевой характер этого университета учитывает появление новых и эффективных форм научной коммуникации, позволяющих преодолевать пространственные и временные барьеры на пути к знаниям. Когда создавался Европейский университет, его организаторы заняли амбивалентную позицию. С одной стороны, они хотели преодолеть разрыв между образованием и наукой, характерный для России. С другой стороны, они попытались обособиться (до известной степени, конечно), создать своеобразную «резервацию» для подготовки научной элиты, но на вполне демократических началах, отдавая предпочтение таланту и способностям молодых людей вне зависимости от их социального положения, национальности и т. д. Жизнь помогла избежать этой амбивалентности. ЕУСПб только выиграл от того, что быстро стал притягательным узлом (*node*) в огромной и очень подвижной сети, охватывающей более 100 российских и зарубежных контрагентов — университетов, научных центров, международных программ поддержки образования и науки, благотворительных фондов, исследовательских групп и ассоциаций.

Эти контакты помогли сформировать сетевое сознание, создать новую сетевую ментальность как существенную предпосылку развития науки и образования.

Мой подход состоит в том, чтобы, прежде всего, реанимировать связи с представителями русской диаспоры и начать серию натуральных экспериментов (пилотных проектов), обеспечивающих их участие в развитии российской науки и образования «сейчас», а не «завтра» (заботы о котором я считаю исключительно важными!). ЕУСПб не должен ограничивать свою роль предоставлением «помещения» для слетов диаспоры — он должен сотрудничать с ней, используя ее высокий интеллектуальный потенциал. В частности, почему ЕУСПб не может прирасти несколькими структурами, которые являются весьма близкими к точным наукам и могут содействовать развитию гуманитарных и общественных наук? Речь идет, к примеру, о программировании и математике — областях знания, наиболее «обезлюдивших» в результате оттока научных талантов в зарубежные страны. Создав современные образовательные модули по этим направлениям, мы могли бы, во-первых, внести свой вклад в реанимацию отношений с диаспорой. Во-вторых, сделать важный шаг в направлении гармонизации органических связей гуманитарного и точного знания. В-третьих, отработать правила взаимодействия в российских условиях трех основных субъектов, от которых зависит судьба образования и отечественной науки, — соотечественников, работающих в западных университетах, зарубежных ученых и российских ученых.